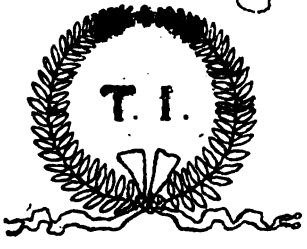
Mereghkovskiĭ

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Aleksandr

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

Рекуї



ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ и Т-ВА И. Д. СЫТИНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА
1913

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

JAN 6 19..

836
M559
1913

UNIV. OF
CALIFORNIA

PG 3467
M4 A75
1913
MAIN

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

UNIV. OF CALIFORNIA

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

— Поди-ка сюда, карбонаръ! За ушко да на солнышко. Разскажи, чего напроказилъ? Что за исторія съ очками, а? Весь городъ говоритъ, а я и не знаю, — сказалъ, подставляя бритую щеку для поцѣлуя князю Валерьяну дядя его, старичокъ лысенькій, кругленькій, катавшійся, какъ шарикъ, на коротенькихъ ножкахъ; все лицо въ мягкихъ бабьихъ морщинахъ, какія бываютъ у старыхъ актеровъ и царедворцевъ; — министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Когда князь Валерьянъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія (онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ), вошелъ въ министерскую пріемную, большую, мрачную комнату съ окнами на Михайловскій замокъ, такъ и пахнуло на него запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

На томъ же мѣстѣ опустилась подъ нимъ ослабѣвшая пружина въ старомъ кожаномъ креслѣ. Такъ же

M237056

на канцелярскомъ зеленомъ сукнѣ стола лежали запрещенныя духовною цензурою книги; *О вредѣ грибовъ*, прочелъ онъ заглавіе одной изъ нихъ: грибы постная пища,—догадался,—нельзя сомнѣваться въ ихъ пользѣ. Тѣми же снимками со всѣхъ изображеній Спасителя, какія только существуютъ на свѣтѣ, увѣшаны были стѣны пріемной: ликъ Господень превращенъ въ обойный узоръ. Такъ же рдѣла въ глубинѣ сосѣдней комнаты-молельни темно-красная лампада, въ видѣ кровавaго сердца; такъ же пахло застарѣлымъ, точно покойницкимъ, ладаномъ.

— Помилосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня объ этомъ сегодня спрашиваете,—сказалъ князь Валерьянъ, глядя на стараго князя изъподъ знаменитыхъ очковъ, съ тонкою усмѣшкою на сухомъ, желчномъ и умномъ лицѣ, напоминавшемъ лицо Грибоѣдова.

— Да ну же, ну, говори толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. На вчерашнемъ дворцовомъ выходѣ въ очкахъ явился; отвыкъ отъ здѣшнихъ порядковъ: изъ памяти вонъ, что въ присутствіи особъ высочайшихъ ношеніе очковъ не дозволено...

— Поздравляю, племянничекъ. Камеръ-юнкеръ въ очкахъ! И свой карьеръ испортилъ, и меня, старика, подвелъ. Да еще въ такую минуту...

— Изъ-за очковъ паденіе министерства, что-ли?

— Не шути, мой другъ, не доведутъ тебя до добра эти шутки...

— Что за шутки! Завтра къ Аракчееву являться. Ежели въ крѣпость или въ телѣжку посадятъ съ фельдъегеремъ,—только на васъ и надѣюсь, дядюшка.

— Не надѣйся, душа моя! Я отъ тебя отсту-

пился: совѣтовъ не слушаешь, самъ лѣзешь въ петлю. Думаешь, не знаетъ начальство, какая у васъ каша заваривается? Все знаетъ, мой милый, все. Погоди-ка, ужо выведутъ васъ на чистую воду, господа карбонары... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Откровенничать вздумалъ по почтѣ? Ужъ если такъ приспичило, можно бы, чай, и съ оказіей...

Въ перехваченномъ тайной полиціей и представленномъ государю письмѣ князь Валерьянъ называлъ Аракчеева „гадиной“. Князь Александръ Николаевичъ ненавидѣлъ Аракчеева; не кланялся съ нимъ, даже во дворцѣ, въ присутствіи государя. Князь Валерьянъ зналъ, что за это письмо дядя готовъ простить ему многое.

— Я всегда полагалъ, ваше сіятельство,—проговорилъ онъ съ еще болѣе тонкой усмѣшкой на слегка поблѣднѣвшихъ губахъ,—что заглядывать въ частныя письма все равно, что у дверей подслушивать...

Старикъ зашикалъ, замахалъ руками.

— Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, извольте выбирать выраженія ваши,— сказалъ онъ по-французски.

— Виноватъ, ваше сіятельство, но, право, мочи нѣтъ! Вся кровь въ желчь превращается. Я понимаю, что можно здоровому человѣку привыкнуть жить въ желтомъ домѣ съ сумасшедшими, но честному съ подлецами въ лакейской—нельзя.

— Вы очень измѣнились, мой милый, очень измѣнились,—покачалъ головою дядюшка.—И скажу прямо, не къ лучшему: эти заграничныя знакомства вамъ не впрокъ.

„Успѣли-таки донести, мерзавцы!“ подумалъ князь

Валерьянъ. Заграничное знакомство былъ вольнодумный философъ Чаадаевъ, съ которымъ онъ сблизился во время своего пребыванія въ Парижѣ.

— Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться отъ самого себя и обратиться въ то ничто, которое едино способно творить волю Господню, — проговорилъ дядюшка и завелъ глаза къ небу.—Какъ блудный сынъ, покинули вы отчій домъ и рады питаться свиными рожками на поляхъ иноплеменниковъ...

„Свиные рожки—конституція“, догадался князь Валерьянъ.

Долго еще говорилъ дядюшка объ Іисусѣ сладчайшемъ, о совлеченіи ветхаго Адама и воскрешеніи Лазаря, о состояніи Маріи, долженствующемъ замѣнить состояніе Марѳы, о божественной росѣ и воздыханьяхъ голубицы.

Князь Валерьянъ слушалъ съ тоскою. „Тюлевый бы чепчикъ съ рюшками тебѣ на лысенку, и точь въ точь Крюденерша пророчица!“ думалъ онъ, глядя на стараго князя.

— Всякая власть отъ Бога. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленной, есть совершенное противорѣчіе, — кончилъ старикъ тѣмъ, чѣмъ кончались всѣ подобныя проповѣди.

— А вѣдь я и забылъ, ваше сіятельство,—успѣлъ, наконецъ, вставить князь Валерьянъ,—порученіе отъ Марьи Антоновны...

Взялъ со стола свертокъ, развязалъ и подалъ, не безъ камеръ-юнкерской ловкости, шелковую подушечку изъ тѣхъ, какія употреблялись для колѣнопреклоненій во время молитвы, съ вышитымъ католическимъ пламенѣющимъ сердцемъ Іисусовымъ.

— Собственными ручками вышить изволили. Пусть, говорятъ, будетъ князю память о другѣ вѣрномъ всегда, особенно же нынѣ, въ претерпѣваемыхъ имъ безвинно гоненіяхъ.

— Ахъ, милая, милая! Вотъ истинная дщерь Израиля!—умилился дядюшка.—Будешь у нея сегодня на концертѣ Вьельгорскаго?

— Буду.

— Ну, такъ скажи ей, что завтра же пріѣду расцѣловать ручки.

Въ любовныхъ ссорахъ государя съ Марьей Антоновной Нарышкиной князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ всегдашнимъ примирителемъ, за что злые языки называли его „старою сводней“.—„Тридцатилѣтній другъ царевъ, угождая плоти, міру и діаволу, князь всегда былъ заодно съ царемъ, въ такихъ дѣлахъ, о нихъ же нельзя и глаголати“,—обличалъ его архимандритъ Фотій.

— И еще порученьице, дядюшка: узнать о министерскихъ дѣлахъ, о козняхъ враговъ.

— Самъ разскажу ей... А, впрочемъ, вы, можетъ быть, тамъ больше нашего знаете? Ну-ка, что̀ слышалъ? Разсказывай.

— Много ходитъ слуховъ. Говорятъ, министерства вашего дни сочтены; въ заговорѣ, будто, о. Фотій съ Аракчеевымъ...

— И съ Магницкимъ.

— Быть не можетъ! Магницкій—сынъ о Христѣ возлюбленный... А вѣдь говорилъ я вамъ, дядюшка: берегитесь Магницкаго. Шельма, какихъ свѣтъ не видалъ,—помѣсь курицы съ гіеною.

— Какъ, какъ? Курица съ гіеною? Недурно. Ты иногда бываешь остроуменъ, мой милый...

— А помните, ваше сіятельство, какъ исцѣляли бѣсноватаго?—спросилъ князь Валерьянъ.

— Да, представь себѣ, кто бы могъ подумать? Мошенники... Ну, да что Магницкій! Богъ съ нимъ. А вотъ о. Фотій, о. Фотій,—какой сюрпризъ!

Сбѣгалъ въ кабинетъ и вернулся съ двумя письмами.

— Читай.

„Ваше сіятельство, высокочтимый князь! Ты и я—какъ тѣло и душа. Сердце одно мы. Христосъ посреди насъ и есть будетъ“, кончалось одно письмо, отъ Фотія.

Другое—черновикъ, отвѣтъ Голицына:

„Высокопреподобный отче Фотій! Свиданія съ вами жажду, какъ холодной воды въ жаркій день. Орошаюсь слезами и прошу у Господа крылъ голубиныхъ, чтобы летѣть къ вамъ. Воистину, Христосъ посреди насъ“.

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, погубитъ васъ доброе сердце!—едва удержался князь Валерьянъ отъ злораднаго смѣха.

— Богъ милостивъ, мой другъ. Сколько люди меня ни обманываютъ, а я въ дуракахъ не бывалъ. Такъ вотъ и нынче. Министерство отнять хотятъ. Да я радешенекъ! Только того и желаю, чтобы на свободѣ подумать о спасеньи души...

Опять завелъ глаза къ небу.

— У государя, вотъ у кого доброе сердце,—вздохнулъ съ умиленіемъ.—Ну, *тотъ* этимъ и пользуется...

„Тотъ“ былъ Аракчеевъ: старый князь такъ ненавидѣлъ его, что никогда не называлъ по имени.

— Подойдетъ тихохонько, склонитъ голову на

бокъ и пригорюнится: „государь батюшка, ваше величество, одолѣли меня, старика, немощи, увольте въ отставку“...

Князь Валерьянъ взглянулъ на дядюшку и замеръ отъ удивленія: мягкія бабьи морщины сдѣлались жесткими, глаза потухли, щеки впали, лицо вытянулось,— живой Аракчеевъ. Но исчезло видѣніе—и опять сидѣлъ передъ нимъ благочестивый проповѣдникъ; только гдѣ-то, въ самой глубинѣ глазъ, искрилась шалость.

Вспомнился князю Валерьяну разсказъ, слышанный отъ самого дядюшки, какъ однажды въ юности, еще камеръ-пажемъ, побился онъ объ закладъ, что дернетъ за косу императора Павла I. И, дѣйствительно, стоя за государевымъ стуломъ, во время обѣда, изловчился, — дернулъ. Государь обернулся. „Ваше величество, коса покривилась, я исправилъ“.—„А, спасибо, дружокъ!“

— Такъ-то, мой милый,—продолжалъ дядюшка.— Говоря между нами, это министерство просвѣщенія у меня вотъ гдѣ! Сытъ по горло. Не министерство, а гнѣздо демонское, котораго очистить нельзя,— развѣ ангелъ съ неба сойдетъ. Всѣ училища—школы разврата. Новая философія изрыгнула адскія лжемудрствованія и уже стоитъ среди Европы съ поднятымъ кинжаломъ. Кричатъ: науки! науки! А мы, христіане, знаемъ, что въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, нижѐ обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху. И что̀ можно сдѣлать добраго книгами? Все уже написано. Буква мертвитъ, а духъ животворитъ... Я бы, мой другъ, всѣ книги сжегъ!—закончилъ онъ съ тою же рѣзвостью, съ которою, должно быть, дергалъ императора за косу.

„Ахъ, шалунъ, шалунъ! — думалъ князь Валерь-

янъ.—Сколько зла надѣлалъ, а вѣдь вотъ невиненъ. какъ дитя новорожденное".

— Ты что на меня такъ уставился? Аль не по шерсткѣ? Ничего, братъ, стерпится. слюбится. Ты еще вернешься къ намъ...

Посмотрѣлъ на часы.

— Въ Синодъ пора, два архіерея ждутъ. Ну, Господь съ тобой. Дай перекрещу. Вотъ такъ,—теперь не бойся, ничего тебѣ *тотъ* не сдѣлаетъ. А право же, возвращайся-ка къ намъ, блудный сынокъ!

— Нѣтъ ужъ, дядюшка, куда мнѣ? Горбатаго развѣ могилка исправитъ.

— Не могилка, а дѣвица Турчанинова.

— Какая дѣвица?

— Не слышалъ? Удивительно. Исцѣляетъ взглядомъ горбатыхъ и глухонѣмыхъ. Я собственными глазами видѣлъ сына генерала Толя, съ одной ногой короче другой, и представь себѣ, черезъ мѣсяцъ ноги сравнялись. Силу эту уподобить можно помпѣ или—какъ это?—насосу, что ли, извлекающему изъ натуры магнетизмъ животный... Сейчасъ некогда, потомъ разскажу. Хочешь, къ ней съѣздимъ?

— Съ удовольствіемъ. Можетъ быть, и меня выправитъ?

— А ты что думалъ? Богу все возможно. Или не вѣришь?

— Вѣрю, дядюшка. А только знаете, что мнѣ иногда въ голову приходитъ: если бы самъ Христосъ сталъ творить чудеса и проповѣдывать на Адмиралтейской или Дворцовой площади, тутъ и до Пилата не дошло бы, а первый квартальный взялъ бы Его на съѣзжую. И архіереи ваши не заступились бы...

„Ни вы, ни вы, ваше сіятельство!“—едва не сорвалось у него съ языка, и не дожидаясь отвѣта, выбѣжалъ изъ комнаты.

Старый князь только пожалъ плечами.

— Безпутная голова, а сердце доброе. Жаль, что скверно кончитъ!

ГЛАВА ВТОРАЯ

. . . . . .

Вскорѣ послѣ Аустерлица, появилось въ иностранныхъ газетахъ извѣстье изъ Петербурга: „госпожа Нарышкина побѣдила всѣхъ своихъ соперницъ. Государь былъ у нея въ первый же день по своемъ возвращеніи изъ арміи. Доселѣ связь была тайной; теперь же Нарышкина выставляетъ ее на показъ, и всѣ передъ ней на колѣняхъ. Эта открытая связь мучитъ императрицу".

Однажды на придворномъ балу государыня спросила Марью Антоновну объ ея здоровьѣ.

— Не совсѣмъ хорошо,—отвѣтила та,—я, кажется, беременна.

Объ знали отъ кого.

„Поведеніе вашего супруга возмутительно,—особенно, маленькіе обѣды съ этою тварью, въ собственномъ кабинетѣ его, рядомъ съ вами", — писала дочери своей, русской императрицѣ, великая герцогиня Баденская. Шла рѣчь о разводѣ.

Но за двадцать лѣтъ къ этому всѣ привыкли, и уже никто не удивлялся. Марья Антоновна была

такъ хороша, что не хватало духа осудить ея любовника.

„Разиня ротъ, стоялъ я въ театрѣ передъ ея ложей и преглупымъ образомъ дивился красотѣ ея, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной“,—вспоминалъ черезъ много лѣтъ одинъ изъ ея поклонниковъ.

„Скажи ей, что она ангелъ, — писалъ Кутузовъ женѣ, — и что если я боготворю женщинъ, то для того только, что она — сего нола: а если-бъ она мужчиной была, тогда бы всѣ женщины были мнѣ равнодушны“.

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями,
Грудью пышною своей...
Она чувствуетъ, вздыхаетъ,
Нѣжная видна душа;
И сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ болѣ хороша,—

пѣлъ старикъ Державинъ.

Никто не удивлялся и тому, что у мужа Марьи Антоновны, Дмитрія Львовича Нарышкина, двѣ должности: явная — оберъ-гофмейстера и тайная—„снисходительнаго мужа“ или, какъ шутники говорили, „великаго мастера масонской ложи рогоносцевъ“.

Добродѣтельная императрица Марія Ѳеодоровна писала добродѣтельной супругѣ Марьѣ Антоновнѣ: „супругъ вашъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, говоря о васъ съ чувствами такой любви, коей, полагаю, немногія жены, подобно вамъ, похвалиться могутъ“.

Любовникъ, впрочемъ, былъ не менѣе снисходителенъ, чѣмъ мужъ. Однажды засталъ онъ Марью Антоновну врасплохъ со своимъ адъютантомъ Ожа-